

XII
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО
ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ,
ЭКОНОМИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА СКАНДИНАВСКИХ
СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Российская академия наук
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

XII КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ,
ЭКОНОМИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ

Тезисы докладов

МОСКВА 1993

роль для установления взаимосвязей этих регионов.

На фоне керамики, без сомнения, произведенной на месте, резко выделяются единичные сосуды или их фрагменты, отличающиеся от основного керамического материала памятника. Их тесто, формы и пропорции достаточно определены и устойчивы. Такие сосуды свидетельствуют о контактах между достаточно удаленными территориями и позволяют зафиксировать те направления связей, которые не прослеживаются или слабо заметны по другому вещевому материалу.

В Гнёздове керамическая посуда довольно однообразна по формам (преобладают горшки с эсвидным профилем), хотя термин "керамика гнёздовского типа", часто употреблявшийся в археологической литературе, неточен. Новые раскопки и более детальное изучение материала из Гнёздова позволяют говорить о большом количестве типов, видов и вариантов керамики, имеющей аналогии за пределами Верхнего Поднепровья.

Из редких сосудов обращают на себя внимание прежде всего причерноморские амфоры и поливная керамика, происхождение которых не вызывает сомнений. Среди лепной посуды Гнёздова можно назвать сосуд, аналогии которому имеются в скандинавском керамическом материале. Один горшок со скругленным дном увязывается с кругом финских древностей. Есть ребристый лепной сосуд, близкий по форме горшкам из Восточной Литвы и Старой Ладуги. Из круговых форм обращают на себя внимание отдельные экземпляры, находящие аналогии в западнославянском регионе, в керамике поморских славян и небольшая серия сосудов, максимально близкая керамике Киева и Шёстовицы.

Появление нестандартных форм керамики связано скорее всего с экономическими и культурными связями Гнёздова с различными областями Восточной Европы и сопредельных стран. По торговому пути "из варяг в греки" проходили не только скандинавские военные отряды, но и купеческие караваны из разных стран Европы. Наличие такой керамики не свидетельствует об этническом составе населения Гнёздова, а только о включении его в систему многообразных контактов населения Восточной Европы в X веке.

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ГНЁЗДОВА

Гнёздовские литейные формы вместе с коллекцией украшений, различных инструментов, ювелирных слитков, заготовок и незаконченных предметов позволяют получить информацию о литейной технике, технических приемах и профессиональном уровне ювелиров этого поселения.

Набор формочек состоит из четырех каменных и семи фрагментированных глиняных. Каменные экземпляры предназначались для отливок: нитранского височного кольца (формочка из туфа), различных подвесок (формочки из известняка и сланца). Необходимо отметить, что лишь находка из туфа обожжена. Считается, что каменные формы служили преимущественно для производства восковых моделей и отливок из свинца и свинцовисто-оловянистых сплавов, которые не оставляли следов на камне даже при многократном использовании (Х.Дрешер). Гнёздовские ювелиры действительно применяли отливку легкоплавких сплавов в каменные формы, поскольку среди украшений и заготовок выделяется небольшая группа вещей из свинцовисто-оловянистых сплавов, включающая ювелирные слитки и бракованные изделия.

Примечательно, что на боковой стороне одной из каменных форм для отливки круглой подвески вырезаны три одинаковые розетки. Такие же розетки воспроизведены в металле на маленькой матрице, аналогии которой мы находим в Бирке и других памятниках Швеции эпохи викингов. По мнению И.Янссона, они служили для отливки маленьких накладных шпечек из свинцовисто-оловянистых сплавов на овальные фибулы.

Фрагменты глиняных литейных формочек свидетельствуют о местном производстве скандинавских украшений. Шесть из них служили для отливки овальных фибул и одна для отливки трилистной. Химический и минералогический анализ материала, из которого изготовлены аналогичные формочки из Риббе, Хедебю и Бирки показал, что глина смешивалась с

большим количеством песка (до 30–40%). Вместе с добавками шамота, угля, золы и органики песок способствовал повышению теплоустойчивости формы и увеличению ее пористости, что решало проблему вентиляции при литье (К. Дамм, Б. Аррениус, М. Бенкард). Кажется очевидным, что для изготовления скандинавских украшений со сложным орнаментом использовалось литье по восковой модели. Однако большинство сохранившихся формочек (включая гнездовские) относятся к разъемным, состоящим из 2-х или 3-х частей. Они имеют гладкие обработанные края, которые позволяют достаточно точно и плотно совмещать створки. Расположение литников указывает на вертикальное положение формы при заливке металла. Створки, вероятно, скреплялись при помощи жил животных или проволоки.

Формы такого типа производились с помощью оттиска декорированной поверхности в глину. В качестве штампов могли служить готовые украшения, а также модели из воска, свинца, рога или дерева. Полученная форма могла использоваться как для отливки из бронзы или латуни, так и для изготовления серии моделей из воска и свинца, служивших в свою очередь для оттиска новых форм (Х. Верк, К. Ламм, И. Янссон).

Метод копирования в глине украшений и моделей объясняет широкое распространение определенных типов украшений в Скандинавии и за ее пределами. Традиция изготовления гнездовских глиняных формочек вписывается в контекст скандинавской металлообработки, которая обеспечивала возможность производить эффектные, но дешевые украшения.

А. А. Хлевов

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НОРМАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Отечественная историческая наука знает мало примеров, сопоставимых по значению с перипетиями спора о роли скандинавов на Руси в эпоху раннего средневековья. Однако даже монография И. П. Шаскольского не дает полной картины

дискуссии. Фактически все историографические экскурсы грешат утилитарной узостью, сиюминутно притягивают из прошлого несколько взглядов, укладывающихся в определенную последовательность. Перед нами скорее обрывок цепи, рисующей частную проблему в ее историческом развитии, либо тезисная сводка наиболее ярких концепций. Свою задачу мы видим в попытке определить концепцию роли варягов на Руси в археологической литературе XIX в.

Чрезвычайный интерес представляет период становления отечественной археологии как науки (середина XIX в.) и параллельное начало изучения норманской проблемы с привлечением археологических источников. Полагаем, можно говорить об известном кризисе сугубо исторического взгляда на вопрос, наметившемся в начале XIX в. Систематизирующая и анализирующая источники работа А. А. Куника (1844–1845) фактически явилась формулировкой норманистской парадигмы и результатов векового исследования славяно-германского синтеза. В конце века В. Томсен дал наиболее полную и последовательную версию норманской теории. Попытки введения в обиход материальных древностей варягов были длительное время малочисленны и фрагментарны. До появления в 1914 г. книги Т. Арне в России не было издано ни одного обобщающего труда, рассматривающего проблему с точки зрения археологической фактологии; лишь А. А. Спицын попытался сформулировать положения концептуального уровня.

Исследователи прошлого века (А. А. Спицын, В. И. Сизов, Н. Е. Бранденбург и др.), как правило, более или менее достоверно выделяли скандинавские вещи и комплексы и делали выводы – более или менее масштабные – о присутствии варягов на Руси. В этой связи стоит подчеркнуть, что с внедрением в оборот норманских археологических древностей рассмотрение варяжского вопроса велось в контексте славяно-русской проблематики. Примером тому могут служить известные труды А. С. Уварова, В. И. Сизова, Н. Е. Бранденбурга. Но в сфере базисных положений норманской теории вторая половина XIX в. так и не стала веком археологии. Однако недооценивать значение этих десятилетий было бы несправедливо. Заложив